Ведьма с Портобелло

Автор:
Пауло Коэльо

Ведьма с Портобелло

Пауло Коэльо

Это история Афины, загадочной молодой женщины, которая родилась в Румынии, воспитывалась в Бейруте, а жила в Лондоне. О ней и ее жизни рассказывают несколь ко человек – одни хорошо ее знали, другие не знали вовсе.

«Ведьма с Портобелло» – из тех произведений, которые меняют представления читателя о любви, страсти, радости и жертвенности.

Пауло Коэльо

Ведьма с Портобелло

Книга издана с разрешения

Sant Jordi Asociados, Barcelona, SPAIN

Originally published as A Bruxa de Portobello

by Paulo Coelho

www.paulocoelho.com (http://www.paulocoelho.com/)

www.paulocoelhoblog.com (http://www.paulocoelhoblog.com/)

Copyright © 2006 by Paulo Coelho

© Богдановский А., перевод. 2014

© ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

Посвящается S.F.X., который, подобно солнцу, одаривал нас при своем появлении светом и теплом и который был примером для тех, кто мыслит шире своих горизонтов.

Пресвятая Дева, без греха зачавшая, моли Бога о нас, а не постыдимся в уповании на Тебя.

Никто, зажегши свечу, не ставит ее в сокровенном месте, ни под сосудом, но на подсвечнике, чтобы входящие видели свет.

Евангелие от Луки 11:33

Прежде чем эти свидетельства, покинув мой письменный стол, последуют судьбе, которую я для них избрал, мне хотелось использовать их как основание для традиционной, тщательно проработанной биографии, где излагается абсолютно реальная история.

В надежде, что это мне поможет, я стал читать биографии разных людей, но в результате осознал: точка зрения биографа оказывает сильнейшее воздействие на результат его исследований. И поскольку я намеревался не донести до читателя собственное мнение, а показать историю «ведьмы с Портобелло» глазами действующих лиц, то в конце концов забросил первоначальную идею книги, сочтя, что лучше будет просто записать все, что рассказали мне

очевидцы.

Хирон Райан, 44 года, журналист

Никто не зажигает свечу, чтобы таить ее за дверью, ибо свет затем и существует, чтобы светить, открывать людям глаза, показывать, какие вокруг чудеса.

Никто не приносит в жертву свое величайшее сокровище, имя которому – любовь.

Никто не вверяет свои мечты в руки тех, кто способен их уничтожить.

Только Афина.

Через много лет после того, как она умерла, прежняя ее наставница попросила меня съездить с нею вместе в шотландский город Престопанс. Там в соответствии с феодальным законом – месяц спустя его признают утратившим силу – была объявлена амнистия восьмидесяти одному человеку (а равно их котам и кошкам), казненным по обвинению в колдовстве с XVI по XVII век.

Официальный представитель баронов Престонгрейндж и Долфинстоун заявил, что «преступление большинства не было доказано, и суды выносили смертные приговоры, беря на веру показания свидетелей обвинения, уверявших, будто ощущают присутствие злых духов».

Не стоит, конечно, ворошить былое и поминать ужасы инквизиции с ее пыточными камерами и кострами, которые разожжены были ненавистью и местью. Но по дороге Эдда несколько раз повторила, что есть в помиловании нечто такое, чего она принять не в силах: городские власти и 14-й барон Престонгрейнджский и Долфинстоунский, изволите ли видеть, «простили» зверски убитых людей.

– На дворе – XXI век, а наследники и потомки настоящих преступников, на совести которых гибель ни в чем не повинных жертв, считают себя вправе

«прощать» их. Ну да ты сам знаешь, Хирон.

Да уж, мне ли не знать… Набирает силу новая охота на ведьм, но на этот раз действовать предпочитают не раскаленным железом, а насмешкой и глумлением. Каждый, кто, случайно открыв в себе дар, осмеливается упомянуть о нем, сталкивается с недоверием. А муж, жена, отец, сын этого человека, вместо того чтобы гордиться им, обычно запрещают ему говорить о своей таинственной способности, потому что боятся травли.

Раньше, до знакомства с Афиной, я полагал, что все это – не более чем бесчестный способ извлечь выгоду из отчаянья, столь присущего человеческому существу. Отправившись в Трансильванию снимать документальный фильм о вампирах, я намеревался показать, как легко обмануть людей, ибо суеверия, сколь бы нелепы ни были они, глубоко укоренились в душе человеческой и используются бессовестными манипуляторами. Когда я осматривал замок Дракулы, восстановленный лишь для того, чтобы туристам казалось, будто они находятся в некоем особом месте, мне устроили встречу с одним правительственным чиновником, который намекнул, что, если фильм покажут по Би-би-си, я получу, как он выразился, «значительный» подарок. В глазах этого клерка я способствовал распространению мифа, я подчеркивал его непреходящую ценность и, стало быть, вправе был рассчитывать на щедрую награду. По словам гида, количество туристов возрастает из года в год, и полезно любое упоминание об этих местах – пусть даже одни твердят, что замок – это декорация, а другие – что Влад Дракула был историческим персонажем, не имеющим ни малейшего отношения к мифу, а третьи – что все это вообще родилось в больном воображении некоего ирландца (Брэма Стокера. – Прим. ред.), никогда в жизни не бывавшего здесь.

И в этот самый миг я отчетливо понял, что, как бы строго ни отбирал я факты и ни ратовал за правду, все равно невольно буду способствовать упрочению лжи; и даже если цель моего фильма – лишить это место ореола легенды, люди по-прежнему будут упрямо верить тому, во что хотят верить. И прав этот гид: по сути, я делаю рекламу. И тогда я отказался от проекта, хотя уже успел вложить в него немалые деньги.

Однако поездка в Трансильванию, скажу без преувеличения, перевернула мою жизнь – там я встретил Афину, разыскивавшую мать. Судьба, столь же непредсказуемая, сколь и неумолимая, свела нас лицом к лицу в весьма непрезентабельном холле второразрядного отеля. Я присутствовал при ее

первом разговоре с Дейдрой – или Эддой, как она любит себя называть. Я, словно бы со стороны, наблюдал, как мой разум вел с сердцем заранее обреченную на поражение борьбу ради того, чтобы не дать мне увлечься женщиной, которая не принадлежала к моему миру. Я рукоплескал, когда сердце выиграло эту схватку, после чего мне не осталось ничего иного, как сдаться и предаться охватившей меня страсти.

И благодаря этой страсти я увидел обряды и ритуалы, о которых до сей поры даже не подозревал, присутствовал при двух материализациях, самолично наблюдал, как впадают в транс. Считая, что любовь застит мне глаза, я сомневался в истинности происходящего, но вместо того, чтобы вогнать меня в столбняк, сковать и обездвижить, сомнения гнали меня к тем океанам, чье существование я прежде не мог даже допустить. Именно эта сила приходила мне на выручку в трудные минуты, помогала противостоять цинизму других журналистов и писать об Афине и ее работе. А теперь, хотя Афины уже нет, любовь все еще жива, и сила ее остается прежней. Но всей душой я мечтаю только об одном – забыть то, что увидел и чему научился. Ибо в том мире я мог плыть, лишь держась за руку Афины.

Это были ее сады, ее реки, ее горы. Теперь ее нет, и я остро нуждаюсь в том, чтобы все как можно скорей стало таким, как раньше; я всерьез займусь внешней политикой Великобритании, проблемами уличного движения, нерациональным использованием взимаемых с граждан налогов. Я хочу вновь увериться в том, что мир магии – не более чем умело придуманный и хорошо подготовленный трюк. Что люди склонны к суевериям. Что явления, которые не могут быть объяснены наукой, не имеют права на существование.

В ту пору, когда начались большие неприятности из-за ритуалов на Портобелло-роуд, мы часто спорили о том, как ей следует вести себя, но сейчас я рад, что она никогда не слушала меня. Когда теряешь дорогого тебе человека, утешением в этой трагедии способна послужить лишь зыбкая, но столь необходимая надежда на то, что, может быть, – все к лучшему.

И я засыпаю и просыпаюсь с этой уверенностью: хорошо, что Афина ушла прежде, чем спустилась в преисподнюю этого мира. С того времени как события стали выстраиваться в историю, которая могла бы называться «Ведьма с Портобелло», она бы уж никогда не сумела обрести душевный мир. И остаток своей жизни наблюдала бы за мучительным столкновением своих сокровенных мечтаний с нашей общей действительностью. Зная ее натуру, не сомневаюсь,

что она боролась бы до конца, тратя свою веселую силу на попытки доказать то, во что никто, никогда, ни за что бы не поверил.

И не исключено, что она искала смерти, как потерпевший кораблекрушение ищет островок в океане. И, вероятно, подолгу стояла глухой ночной порой на станциях метро, ожидая нападения – а его так и не последовало. И бродила в самых опасных кварталах Лондона, подставляясь под нож убийцы – а он так и не появился. Она пыталась навлечь на себя ярость сильных – но тщетно.

Но однажды все же преуспела в своем намерении – и была зверски убита. Но, в конце концов, скольким из нас не довелось увидеть, как то, что составляет важнейшую часть нашей жизни, исчезает, улетучивается с каждой прожитой минутой? Я имею в виду не только нас, людей, но и наши идеи и мечты. Можно сопротивляться день, неделю, несколько лет, но в итоге мы все равно обречены на потерю. Плоть остается жива, а душа рано или поздно получит смертельный удар. Да, это идеальное преступление, ибо мы никогда не узнаем, кто убил радость нашего бытия, по каким мотивам, и где скрывается виновный.

А они, эти виновные, не открывающие своих имен, сознают ли они, что делают? Пожалуй, что нет, ибо и они тоже становятся жертвами ими же творимой действительности, и не важно, подавлены ли они или дерзки, бессильны или могущественны.

Они не понимают и никогда не поймут мир Афины. Да это ведь только так говорится – «мир Афины». Приходится признать, что она оказалась здесь проездом, словно по чьему-то одолжению, и так, будто жила в роскошном дворце, ела диковинные яства, но при этом сознавала: это всего лишь праздник, дворец – чужой, и не на ее деньги куплены эта изысканная снедь, и придет час – погаснут огни, хозяева лягут спать, слуги разойдутся по своим комнатам, двери закроются, а мы снова окажемся на улице, ожидая, когда такси или автобус вернет нас в наше убогое повседневье.

Я возвращаюсь. Верней сказать – какая-то часть меня возвращается в тот мир, где значение имеет лишь то, что мы видим, осязаем и можем объяснить. Я снова хочу получать штрафы за превышение скорости, стоять в очереди к окошку банка, хочу жаловаться на вечную нехватку времени, смотреть фильмы ужасов и гонки «Формулы-1». Вот она – вселенная, с которой суждено мне сосуществовать до конца дней моих: я женюсь, у меня будут дети, и прошлое отодвинется в дальнюю даль, станет полузабытым воспоминанием, чтобы в конце заставить

меня спрашивать: как мог я быть таким слепцом, как мог я быть таким наивным?

А еще я знаю, что, когда придет ночь, другая часть моего существа отправится блуждать в пространстве, вступая в контакт с вещами не менее реальными, чем пачка сигарет или стакан джина передо мной. Моя душа будет танцевать с душой Афины, я пребуду с нею во сне, а проснувшись в холодном поту, пойду на кухню выпить воды и пойму: чтобы вступать в схватку с призраками, надо использовать вещи, которые не являются частью действительности. И тогда, последовав совету деда, я положу открытую бритву на прикроватный столик – будет чем перерезать продолжение сна.

На следующий день взгляну на бритву не без раскаянья. Но делать нечего: надо снова привыкать к этому миру, а иначе я потеряю рассудок.

Андреа Мак-Кейн, 32 года актриса

«Никто никем не может манипулировать. Оба сознают, что делают, даже если потом один из них будет жаловаться, что его использовали».

Так говорила Афина – но действовала противоположным образом, ибо без зазрения совести использовала меня и мною манипулировала, не обращая ни малейшего внимания на мои чувства. Дело становилось еще серьезней, когда мы заговаривали о магии – ведь Афина была моей наставницей, призванной передать священные тайны и пробудить к жизни неведомые силы, дремлющие в каждом из нас. А когда отплываешь в это море, слепо доверяешь своему вожатому, полагая, что он знает больше.

Так вот, смею вас уверить – не знает! Ни Афина, ни Эдда, ни люди, с которыми я познакомилась благодаря им. Она уверяла меня, что, когда учит других, учится сама, и, хотя поначалу я отказывалась этому верить, позднее мне пришлось убедиться, что так оно и есть и что это – один из многочисленных ее способов заставить нас ослабить бдительность и поддаться ее чарам.

Люди, ведущие духовный поиск, размышлениям не предаются – они хотят результатов. Хотят чувствовать свое могущество, хотят выделиться из

безликого, безымянного множества. Хотят быть особенными. Афина чудовищно играла чувствами других людей.

Мне кажется, что в прошлом она питала безмерное восхищение к святой Терезе (Святая Тереза младенца Иисуса (1873–1897). Монахиня-кармелитка из обители в Лизье. До пострижения – Тереза Мартен. Канонизирована в 1925 году. – Прим. перев.). Католическая религия меня не интересует, но, сколько я знаю, кармелитка из Лизье получила нечто вроде мистического и физического причастия от Бога. Афина однажды заметила, что хотела бы, чтобы ее судьба была похожа на судьбу праведницы. Однако в этом случае ей следовало бы уйти в монастырь, посвятить свою жизнь созерцанию или помощи бедным. Что ж, так она принесла бы гораздо больше пользы миру и представляла бы куда меньше опасности для нас – для тех, кого музыкой и обрядами вводила в особое – подобное интоксикации – состояние, позволявшее встретиться с самым лучшим, но и с самым скверным из того, что таится в душе каждого из нас.

Я разыскала ее, желая найти смысл своей жизни, – хоть и скрыла это в нашу первую встречу. Мне следовало с самого начала понять, что Афину это не слишком занимало, – она хотела жить, танцевать, заниматься любовью, путешествовать, собирать вокруг себя людей, чтобы демонстрировать им свои дарования и мудрость. Хотела дразнить соседей, хотела наслаждаться всем, что есть в нас приземленно-мирского, причем так, чтобы на этот ее поиск всегда падал некий отблеск духовности.

Встречались ли мы для магических ритуалов или просто шли в бар, я постоянно чувствовала над собой ее власть, проявлявшуюся столь мощно, что ее, казалось, можно было ощутить физически. Сначала меня это завораживало и я хотела во всем быть похожей на Афину. Но однажды, когда мы с ней сидели в каком-то баре, она завела речь о «Третьем Ритуале», затрагивающем сексуальность. И сделала это при моем возлюбленном. Предлог был – обучить меня. А истинная цель – обольстить человека, которого я любила.

Ну и, разумеется, ей это в конце концов удалось.

Не стоит дурно говорить о людях, перешедших из этого мира в мир астральный. Афина не обязана была давать мне отчет – она отвечала только перед теми силами, которые направляла не на преумножение добра в человечестве и не на свое духовное совершенствование, но на извлечение выгоды для самой себя.

И хуже всего было то, что наши совместные начинания могли бы привести к успеху, если бы не ее неодолимое стремление выставлять себя напоказ – нечто вроде духовного эксгибиционизма. Если бы она всего лишь вела себя скромней и незаметней, сегодня мы вместе исполняли бы предназначение, к которому были призваны. Но нет – она не умела держать себя в узде, и считала себя хранительницей истины, и была убеждена, что одолеет все препоны, используя только свой дар обольщения.

Что же в итоге? В итоге я осталась одна. Но бросить на полпути начатую работу не могу – я должна идти до конца, хотя иногда остро ощущаю свою слабость и почти всегда нахожусь в унынии и упадке.

Меня не удивляет, что ее жизнь кончилась так, как она кончилась: Афина постоянно заигрывала с опасностью. Говорят, будто у интровертов жизнь складывается счастливее, нежели у экстравертов, которым приходится компенсировать это, показывая всем и самим себе, что всем довольны, что веселы и радостны и что жизнь им улыбается. Не знаю, как с другими, но в отношении Афины это наблюдение абсолютно верно.

Афина была уверена в своей харизме и причиняла страдания всем, кто ее любил.

В том числе и мне.

Дейдра О’Нил, 37 лет, врач, известна также как Эдда

Если мужчина, которого мы, в сущности, едва знаем, позвонит нам, скажет несколько слов, не говоря ничего особенного, ни на что не намекая, но именно таким образом оказывая нам внимание, столь редко получаемое нами, то мы вполне способны влюбиться в него и в ту же ночь оказаться с ним в постели. Да, мы таковы, и ничего тут такого нет: в природе женщины – легко раскрываться навстречу любви.

Именно такая любовь в 19 лет открыла меня навстречу Матери. Афина была в том же возрасте, когда впервые вошла в транс. Но, кроме этого совпадения, ничего общего между нами не было.

Во всем остальном – и прежде всего в том, как обращались с другими людьми, – мы были абсолютной противоположностью друг другу. В качестве ее наставницы я из кожи вон лезла, чтобы организовать ее внутренние поиски и направить их в нужную сторону. В качестве ее подруги – не уверена, впрочем, что она питала ко мне те же чувства, – я силилась, как могла, объяснить ей, что мир еще не готов к тем изменениям, которые она желала вызвать. Помню, что не спала несколько ночей, пока не приняла решение: пусть она действует совершенно свободно, руководствуясь лишь велением сердца.

Главная ее, как принято ныне выражаться, проблема заключалась в том, что она была женщиной из XXII века, а жила в XXI – и позволяла всем увидеть это несоответствие. Она расплачивалась за это? Да, разумеется. Но цена была бы во стократ большей, сумей она обуздывать свой избыток энергии, вводить в берега половодье чувств. Она была бы отравлена душевной горечью, она терзалась бы от разочарования, она вечно думала бы о том, «что люди скажут», она твердила бы «дай мне сначала решить эти задачи, а уж потом я буду следовать своей мечте», она постоянно сетовала бы, что «нет подходящих условий».

Каждый ищет совершенного наставника, и случается, что божественную мудрость изрекают устами смертных людей – понять и принять это бывает очень трудно. Так же трудно, как провести грань между учителем и учением, между обрядом и экстазом, между символом как таковым – и тем, кто всего лишь несет его. Традиция связана с силами жизни, а не с людьми, передающими их. Мы – немощны и потому просим Мать послать нам проводников и вожатых, тогда как она дает нам всего лишь дорожные знаки, которым надлежит следовать.

И горе тем, кто ищет пастырей, а не алчет свободы! Встреча с высшей энергией доступна каждому, но всегда будет ускользать от тех, кто свою ответственность переносит на других. На этой земле наше время – священно, и нужно праздновать каждое его мгновение.

Мы напрочь позабыли, как это важно, – ведь даже религиозные праздники превратились всего лишь в повод отправиться на пляж, или в парк, или на лыжную прогулку. Нет больше ритуалов. Невозможно стало превращать обыденные действия в священные таинства. Мы готовим пищу, сетуя на трату времени, а могли бы претворять в еду любовь. Мы работаем, считая это божьим проклятием, а могли бы использовать наши дарования для того, чтобы доставлять себе удовольствие и распространять энергию Матери.

Сокровища, которые мы храним в глубине души, Афина умела выносить на поверхность, не понимая, что люди пока еще не готовы принять ее могущество.

Мы, женщины, когда ищем смысл жизни или дорогу познания, причисляем себя к одному из четырех классических архетипов.

Дева (я оставляю сексуальность за скобками) ищет себя в абсолютной независимости, и все, что она постигла, рождается лишь ее способностью в одиночку отвечать на брошенные ей вызовы.

Мученица познает самое себя, проходя через боль, через страдание и самоотречение.

В безграничной любви, в умении отдавать, ничего не прося взамен, обретает истинный смысл своего бытия Святая.

И наконец, Ведьма оправдывает свое существование поисками самого полного, ничем не скованного наслаждения.

Афина сочетала в себе все четыре типа – тогда как все мы принуждены избирать что-то одно.

Ну конечно, мы можем оправдать ее поведение тем, что каждый, входя в состояние транса или в экстаз, теряет контакт с действительностью. Но ведь это ложь: мир физический и мир духовный – одно и то же. В каждой пылинке мы умеем различать лик Бога, что не мешает нам убирать его с помощью влажной губки. Но Божественное не исчезает – оно лишь превращается в чистую поверхность.

Афине следовало быть поосторожней. Размышляя о жизни и смерти моей ученицы, я поняла, что должна немного изменить и свой собственный «образ действия».

Лейла Зейнаб, 64 года, нумеролог

Афина? Какое интересное имя! Погодите… сейчас гляну… Так, ее максимальное число – девять. Оптимистка, общительна, уживчива, способна выделиться в любой толпе. Люди сближаются с ней в поисках понимания, сочувствия, великодушия, и ей именно поэтому следует быть настороже, ибо эта популярность может ударить ей в голову, и в итоге потери окажутся значительней выигрыша. Еще ей надо держать язык за зубами, потому что она склонна говорить больше, чем велит здравый смысл.

Минимальное ее число – одиннадцать. Думаю, она претендует на лидерство. Ее интересует мистика – и через нее она пытается внести гармонию в отношения с теми, кто ее окружает.

Но это входит в конфликт с числом девять, складывающимся из дня, месяца и года ее рождения, сведенных к одной цифре. Она всегда будет склонна к зависти и печали; сосредоточенная на себе, она принимает решения под воздействием настроения. Надо соблюдать осторожность со следующими негативными проявлениями присущего ей характера – чрезмерным тщеславием, нетерпимостью, злоупотреблением своей властью, склонностью к известной экстравагантности.

И по причине этого противоречия я полагаю, что ей стоило бы избрать сферу деятельности, где можно будет избежать эмоционального контакта с людьми. Пусть попробует себя в информатике или в любой иной области, связанной с наукой или техникой.

Умерла, вы сказали? Простите. Но чем же все-таки она занималась?

* * *

Но чем же все-таки она занималась? Всем понемножку, и если бы надо было определить это кратко, то я бы сказал так: Афина была жрицей, которой ясны были силы природы. Можно и иначе сказать: поскольку ей нечего было терять и нечего ждать от жизни, она шла дальше других, она рисковала больше других, и в конце концов сама превратилась в те силы, которыми желала повелевать.

Она работала в супермаркете, служила в банке, потом еще где-то, но при этом неизменно оставалась жрицей. Я прожил с нею восемь лет, и за мной долг – надо

восстановить память о ней и неповторимые особенности ее личности.

Трудней всего при сборе свидетельств было убедить людей, чтобы позволили мне пользоваться их подлинными именами. Одни говорили, что не желают быть замешанными в подобную историю, другие пытались скрыть свои мнения и чувства. Я объяснял, что истинное мое намерение – сделать так, чтобы все вовлеченные лучше поняли Афину, а в анонимные свидетельства никто не поверит.

Поскольку каждый из опрошенных полагал, будто обладает единственной и окончательной версией любого, пусть даже совсем незначительного эпизода, то в конце концов все согласились. Сопоставляя эти записи, я пришел к выводу, что абсолютной истины не существует и правдивость эпизода зависит от того, насколько проницателен рассказчик. И нет лучше способа постичь самого себя, чем попытаться узнать, как смотрят на тебя другие.

Это вовсе не значит, будто мы будем делать то, чего от нас ждут, но, по крайней мере, лучше поймем себя. Это мой долг перед Афиной. Я обязан по крупицам восстановить ее историю. Воссоздать ее миф.

Самира Р. Халиль, 57 лет, домохозяйка, мать Афины

Пожалуйста, не называйте ее Афиной! Ее имя – Шерин. Шерин Халиль, моя любимая дочь, мое желанное дитя, которое мы с мужем так желали бы произвести на свет!

Но жизнь распорядилась иначе – когда судьба одаривает слишком щедро, всегда найдется колодец, в котором потонут наши мечты.

Мы жили в Бейруте в ту пору, когда все считали его самым красивым городом на Ближнем Востоке. Мой муж был преуспевающим промышленником, мы поженились по любви, ежегодно проводили отпуск в Европе, у нас был обширный круг друзей, и нас приглашали на все мало-мальски значительные светские мероприятия, а однажды, представьте, мы принимали у себя самого президента Соединенных Штатов. Те три дня я никогда не забуду – в первые

двое суток каждую пядь нашего дома обследовали агенты секретной службы (они к тому времени уже месяц как обосновались в нашем квартале: занимали стратегически выгодные позиции, снимали квартиры, вели наблюдение под видом нищих или влюбленных). А третий день – вернее, два часа – был праздником. Отчетливо помню зависть в глазах наших друзей и то, как я радовалась, что могу сфотографироваться с самым могущественным человеком планеты.

У нас было все, кроме детей, о которых мы так страстно мечтали. И, стало быть, не было ничего.

Мы испробовали все на свете: давали обеты, совершали паломничества в места, считавшиеся чудотворными, консультировались с врачами, ходили по знахарям, принимали патентованные лекарства и всякого рода целебные снадобья. Дважды мне делали искусственное осеменение. Оба раза случился выкидыш, а на второй мне пришлось еще и удалить левый яичник. После этого ни один врач не соглашался пойти на подобный риск.

И тогда кто-то из многочисленных друзей, знавших о нашей беде, предложил единственно возможный выход – усыновить ребенка. Еще сказал, что у него есть связи в Румынии, что позволит ускорить дело.

Месяц спустя мы полетели в Бухарест: наш друг вел какие-то важные переговоры с диктатором – я забыла, как его звали (Николае Чаушеску. – Прим. ред.), – который тогда правил страной, так что нам удалось избежать всякой бюрократической волокиты и беспрепятственно оказаться в трансильванском городе Сибиу, где и находился детский дом. Там нас ждали с кофе, сигаретами, минеральной водой и стопкой уже подписанных документов. Оставалось лишь выбрать ребенка.

И нас провели в очень холодную комнату, где стояли детские кроватки. Я пыталась понять, как матери могли оставить своих детей, и первым моим побуждением было взять их всех, всех до единого, увезти в нашу страну, где много солнца и свободы. Но я тут же поняла, что это – безумная идея. И мы стали бродить между колыбелями, слушая, как хором заливаются лежащие в них младенцы. Важность решения, которое мы должны были принять, внушала нам ужас.

За целый час мы с мужем не обменялись ни единым словом. Выходили в приемную, курили, пили кофе – и возвращались. Так повторялось несколько раз. Заметив, что сотрудница, занимавшаяся нами, проявляет признаки нетерпения, и поняв, что решать надо сейчас же, сию минуту, я повиновалась инстинкту, который осмелюсь назвать материнским, и, словно бы найдя свое дитя, в этом воплощении выношенное и рожденное другой женщиной, указала на колыбельку, где лежала девочка.

И та самая сотрудница, что явно начинала терять терпение, предложила нам подумать еще. Но я уже сделала выбор.

Смирившись, она осторожно, стараясь не задеть моих чувств (она знала, что у нас – высокие связи в румынском правительстве), шепнула на ухо так, чтобы не слышал мой муж:

– Добра не будет. Это – дочь цыганки.

Я ответила, что культура в генах не заложена и что трехмесячная девочка станет нашей с мужем дочерью и мы воспитаем ее в соответствии с нашими традициями и обычаями. Она будет ходить в ту церковь, куда ходим мы, загорать на пляжах, где любим бывать мы, свои первые книжки прочтет по-французски, а когда придет время – поступит в американскую школу в Бейруте. Я тогда ничего не знала о цыганской культуре, да и сейчас – тоже. Мне было известно лишь, что они кочуют с места на место, редко моются, обманывают людей и носят серьги. О них говорят, будто они воруют детей, но ведь здесь произошло как раз обратное: ребенок был брошен – как будто для того, чтобы о нем заботилась я.

Сотрудница еще пыталась разубедить меня, но я уже подписывала бумаги. Когда мы летели в Бейрут, мир, казалось, преобразился. Бог придал моему бытию смысл, и мне было теперь ради чего жить и бороться в этой юдоли слез. Все наши усилия получили теперь оправдание.

Шерин росла умницей и красавицей. Наверно, все родители так говорят о своих детях, но моя дочь и вправду была исключительна. Когда ей было уже лет пять, один из моих братьев сказал мне, что, если она когда-нибудь захочет уехать работать за границу, имя выдаст ее происхождение, а потому лучше назвать ее нейтрально – ну вот хоть Афиной. Тогда я не знала, что это не только название

греческой столицы, но и имя богини мудрости. И войны.

Может быть, и мой брат знал это, а кроме того, прекрасно разбирался в том, какие проблемы может сулить в будущем арабское имя: он занимался политикой и хотел спасти свою племянницу от тех бед, которые черными тучами, пока заметными только ему одному, уже собирались на горизонте. Самое удивительное – Шерин понравилось звучание этого слова. В тот же день она стала называть себя «Афина» – и отговорить ее не удалось никому. Чтобы доставить ей удовольствие, мы согласились, уповая в душе, что увлечение ее скоро пройдет.

Способно ли имя воздействовать на жизнь того, кто носит его? Ибо время шло, имя прижилось, а мы привыкли к нему.

В двенадцать лет обнаружилось, что она очень религиозна: ежедневно ходила в церковь, наизусть знала Писание, и это было одновременно и благодатью, и проклятием. Я опасалась за судьбу своей дочери в мире, с каждым днем все сильнее раздираемом на части религиозной рознью. В этом возрасте Шерин уже не раз говорила нам – так, будто это само собой разумеется, – что у нее есть целый сонм невидимых друзей – ангелов и святых, чьи изображения мы видели в церкви. У всех детей бывают видения, о которых они по достижении определенного возраста перестают даже вспоминать. Они склонны одушевлять своих кукол или плюшевых мишек. Но когда однажды я пришла за Шерин в школу и услышала, что «ей предстала женщина в белом, похожая на Деву Марию», то решила, что уж это – чересчур.

Я, разумеется, верю в ангелов. Верю, что они разговаривают с маленькими детьми, но если это происходит с подростками, значит, что-то не так. Я знаю несколько случаев, когда пастушкам или крестьянам, уверявшим, что видели женщину в белом, это в конце концов сломало жизнь, ибо люди бросались к ним в неистовой жажде чуда, священники впадали в озабоченность, а в деревни стекались тысячи паломников. Бедняги оканчивали свои дни в монастыре. Ну так вот, все это меня очень встревожило: в таком возрасте девочкам полагается интересоваться тонкостями макияжа, красить ногти, смотреть душещипательные сериалы по телевидению. А тут что-то не то. И я обратилась к специалисту.

– Напрасно беспокоитесь, – сказал он.

Для врача-педиатра, занимающегося детской психологией, невидимые друзья были всего лишь проекцией снов, помогающей ребенку выявить свои желания, высказать чувства. Так что тревожиться не о чем.

– Да, но видение женщины в белых одеждах? – сказала я.

На это он ответил, что дело, быть может, в том, что наш с мужем взгляд на мир немного чужд Шерин, наши объяснения не вполне ее устраивают. И предложил постепенно готовить почву для того, чтобы со временем рассказать ей, что она – наша приемная дочь. По его мнению, самое скверное произойдет, если она сама обо всем догадается – в этом случае она потеряет веру во все и поведение ее может стать непредсказуемым.

С этого дня мы начали разговаривать с дочерью по-иному. Не знаю, остается ли в памяти человека то, что называется «первоначальные впечатления бытия», но мы с мужем, как могли, пытались показать Шерин, что мы ее любили и любим так сильно, что ей нет нужды искать убежища в воображаемом мире. Она должна была понять, что и видимый мир – прекрасен, а папа с мамой уберегут ее от любой опасности. Бейрут был красив, пляжи – залиты солнцем, заполнены людьми. Стараясь избегать открытого столкновения с «женщиной в белых одеждах», я теперь уделяла дочке больше времени – приглашала домой ее одноклассников и не упускала ни малейшей возможности проявить к ней нежность и ласку.

Это принесло свои плоды. Более того – мой муж часто уезжал по делам, и Шерин скучала по нему. Во имя любви я решила изменить стиль его жизни, и теперь мы больше времени проводили втроем.

Все шло хорошо до той ночи, когда она с плачем вбежала ко мне в спальню, твердя, что ей страшно и что она ощущает – ад совсем близко.

Муж в очередной раз был в отъезде, и я сперва подумала, что в такое отчаяние девочку привела разлука с ним. Но при чем тут близкое соседство ада? Неужели она услышала об этом в школе или в церкви? И я решила, что наутро отправлюсь к ее учительнице.

Шерин меж тем продолжала неутешно рыдать. Я подвела ее к окну, показала Средиземное море, освещенное полной луной, блещущие в небе звезды, людей,

прогуливающихся по бульвару перед нашими окнами. Попыталась успокоить, но она, дрожа всем телом, плакала все так же горько. Провозившись с ней впустую полчаса, я стала терять терпение, прикрикнула на нее, велела прекратить, она, дескать, уже не ребенок. Потом я подумала, что это может быть связано с началом месячных, и спросила, не было ли крови.

– Много… много крови, – ответила она.

Я взяла вату, попросила ее лечь, чтобы можно было полечить ее «рану». Пустяки, думала я, завтра все ей объясню. Но менструации не было. Шерин еще поплакала немного, но вскоре устала и почти сразу же уснула.

А наутро пролилась кровь.

Четверо убитых. Я не придала этому особенного значения – очередной эпизод нескончаемой межплеменной розни, к которой мы, ливанцы, давно привыкли. А Шерин вообще не обратила на это внимания, потому что даже не вспомнила о своем ночном кошмаре.

Но с этой минуты ад стал придвигаться к нам вплотную, уже не отдаляясь никогда. В тот же день в отместку за гибель тех четверых был взорван автобус с двадцатью шестью палестинцами. Спустя сутки уже нельзя было ходить по улицам – повсюду гремела стрельба. Школы закрылись. Шерин привезла домой одна из ее учительниц. Мой муж прервал свою командировку и вернулся в Бейрут. Он обзванивал своих высокопоставленных друзей, однако никто не мог сказать ему что-либо вразумительное – никто уже не контролировал ситуацию. Шерин слышала доносящиеся снаружи выстрелы, слышала, как кричит по телефону мой муж, но – к несказанному моему удивлению – не произносила ни слова. Я говорила, что все это скоро кончится и мы сможем снова ходить на пляж, однако она отводила глаза и просила либо книжку, либо пластинку. Покуда ад все уверенней вступал в свои права, она читала или слушала музыку.

Мне тяжело, поймите. Я больше не хочу думать об этом. Не желаю знать, кто был тогда прав, кто – виноват, не желаю вспоминать об угрозах, которые мы слышали ежедневно. Скажу лишь, что спустя еще несколько месяцев для того, чтобы перейти улицу, надо было сесть на пароход, уплыть на Кипр, там пересесть на другой корабль и вернуться на другую сторону.

Почти год мы провели практически взаперти, ожидая, когда ситуация в стране изменится к лучшему, а правительство наведет порядок. Думали, это случится со дня на день. Но однажды утром, слушая пластинку на своем маленьком проигрывателе, Шерин сделала несколько танцевальных па и стала твердить: «Все это – надолго… очень надолго».

Я хотела было остановить ее, но муж схватил меня за руку – было видно, что он внимательно прислушивается к ее словам и принимает их всерьез. Я так и не поняла почему, и мы даже теперь не обсуждаем эту тему: она – под запретом.

На следующий день муж неожиданно начал готовиться к отъезду из страны, и через две недели мы были уже в Лондоне. Позднее мы узнали, что, хотя точные статистические данные отсутствуют, за два года гражданской войны (1974 и 1975 гг. – Прим. ред.) погибло около 44 тысяч человек, 180 тысяч были ранены, а еще десятки тысяч остались без крыши над головой. Бои продолжались, потом страну заняли иностранные войска, и ад продолжается по сей день.

«Все это – надолго… очень надолго», – сказала тогда Шерин и, к несчастью, оказалась права.

Лукас Йессен-Петерсен, 32 года, инженер, бывший муж

Ко времени нашей первой встречи Афина уже знала, что ее удочерили. Ей было 19 лет, и однажды она чуть не затеяла драку в университетском кафетерии из-за того, что кто-то, решив, будто она – англичанка (у нее были гладкие волосы, светлая кожа, а глаза меняли цвет с зеленоватого на серый), позволил себе пренебрежительно отозваться о Ближнем Востоке.

Шел первый день семестра, и мы еще ничего не знали о своих однокашниках. И вот одна девушка вдруг вскакивает, хватает другую за ворот у самого горла и бешено кричит ей в лицо:

– Расистка!

Я увидел затравленный взгляд девушки, недоумевающие взгляды прочих студентов, не понимающих, что происходит. Я учился на курс старше, а потому мог отчетливо представить себе последствия – вызов в кабинет ректора, разбирательство, возможное исключение из университета, полицейское расследование и прочее. В проигрыше окажутся все.

– Заткнись! – крикнул я, не успев подумать, что делаю.

Ни с одной из девиц я знаком не был. И вообще не отношу себя ни к миротворцам, ни к спасителям человечества, не говоря уж о том, что ссора между молодыми людьми – обычное дело. Но говорю же – мой крик был спонтанной реакцией.

– Прекрати! – добавил я, обращаясь к зачинщице скандала.

Она была красива, как, впрочем, и та, что стала ее жертвой. Она обернулась, глаза ее вспыхнули. И вдруг все мгновенно изменилось. Она улыбнулась – правда, так и не отпустив вторую девушку.

– Ты забыл волшебное слово.

Все засмеялись.

– Прекрати, – произнес я. – Пожалуйста.

Она разжала пальцы и двинулась ко мне. Все провожали ее глазами.

– С учтивостью у тебя все хорошо. А как с сигаретами?

Я протянул ей пачку, и мы вышли во двор. Ярость ее как рукой сняло, и уже через несколько минут она смеялась, обсуждала со мной капризы погоды, спрашивала, какая поп-группа мне нравится. Я услышал звонок на занятия, но пренебрег тем, чему учился всю жизнь, – умением соблюдать дисциплину. Мы продолжали болтать так, словно ничего больше не было и в помине – ни университета, ни недавней стычки в кафетерии, ни ветра, ни солнца – ничего, кроме этой сероглазой девушки, которая говорила о вещах совершенно неинтересных и бесполезных, но способных приковать меня к ней до конца

жизни.

Через два часа мы обедали вместе. Семь часов спустя – сидели в баре, ужинали и пили то, что могли себе позволить. Наши разговоры становились все более глубокими, и вскоре я уже знал едва ли не всю ее жизнь, причем ни о чем не расспрашивал: Афина сама рассказывала о своем детстве и отрочестве. Позже мне стало ясно, что так она ведет себя всегда и со всеми, но в тот день я чувствовал, что меня предпочли и выделили из всех мужчин, сколько ни есть их на свете.

В Лондоне она оказалась в качестве беженки из объятого гражданской войной Ливана. Ее отец, христианин-маронит (марониты – приверженцы одной из ветвей католицизма. Догматика близка к католической, однако священники не соблюдают целибат. Богослужения проводятся на среднеассирийском языке. – Прим. ред.), был тесно связан с правительственными кругами, но даже под весьма реальной угрозой смерти не хотел эмигрировать до тех пор, пока Афина, случайно подслушав его телефонный разговор, не решила – пришло время стать взрослой, выполнить свой дочерний долг и защитить тех, кого она любит.

Она исполнила нечто вроде танца, притворилась, что впала в транс (этим искусством она овладела в колледже, изучая жития святых), и начала пророчествовать. Не знаю, как удалось девчонке-подростку сделать так, чтобы взрослые приняли решения, основанные на ее словах, но Афина выполнила свою задачу – отец был суеверен и непреложно убежден, что спасает жизнь своей семьи.

Да, в Лондоне они оказались как беженцы, но отнюдь не как нищие. Ливанская диаспора рассеяна по всему миру, так что отец Афины вскоре нашел средства поправить свои дела, и жизнь наладилась. Афина могла посещать лучшие школы, учиться танцам (это была ее истинная страсть), а потом поступить на архитектурный факультет.

И там, в Лондоне, родители однажды повели ее ужинать в самый дорогой ресторан и как можно осторожнее объяснили, что она – не родная их дочь. Афина разыграла удивление, потом расцеловала их и ответила, что ничего не изменится.

Однако для нее это уже не было новостью – какое-то время назад друг семьи в приливе ненависти уже крикнул ей: «Ты – неблагодарный приемыш! Ты им – не родная! И оттого, наверно, не умеешь себя вести!» Она швырнула в него пепельницей, поранив ему лицо, двое суток проплакала, запершись в своей комнате, а потом приняла это обстоятельство как данность. У друга семьи на всю жизнь остался шрам, происхождение которого он объяснить не мог, так что приходилось врать, будто на улице на него напали грабители.

Когда я назначил ей свидание, она прямо и просто заявила мне, что девственна, по воскресеньям ходит в церковь, любовных романов не читает, предпочитая им разнообразную литературу о ситуации на Ближнем Востоке.

И, стало быть, занята. Чрезвычайно занята.

– Принято считать, будто единственная мечта женщины – выйти замуж и нарожать детей. А ты, выслушав мою историю, наверное, думаешь, что я очень несчастна. А эту песню я знаю – многие мужчины уже заводили речь о том, что хотели бы меня «защитить». Только они забывают, что еще со времен античности повелось так, что воины возвращались из походов либо на щите – мертвыми, – либо со щитом и боевыми шрамами. Ну так вот: я нахожусь на поле брани с момента рождения, все еще жива и ни в ком не нуждаюсь для защиты.

Помолчав, она добавила:

– Видишь, какая я образованная?

– Вижу. Но вижу также и то, что, когда ты нападаешь на того, кто слабее тебя, ты и впрямь нуждаешься в защите. Этот случай мог стоить тебе университетского диплома.

– Знаешь, ты прав. Я принимаю твое приглашение.

С этого дня мы начали регулярно встречаться, и чем ближе становились, тем отчетливей ощущал я свой собственный свет – ибо Афина раскрывала во мне все самое лучшее. Она терпеть не могла книг по магии или эзотерике, говоря, что все это – от лукавого, а единственное спасение – в Иисусе. Но порою высказывала мысли, которые не вполне вписывались в католические догматы:

– Христа окружали нищие, проститутки, мытари, рыбаки. Думаю, что этим он хотел внушить людям – искра Божья есть в душе у каждого и задуть ее нельзя. Когда я успокаиваюсь или, наоборот, чем-то безмерно взбудоражена, то чувствую, как вся Вселенная резонирует мне в такт и вместе со мной. И тогда мне открывается непознанное – и словно бы сам Господь направляет мои шаги. В такие минуты все становится явным и внятным.

Афина всегда жила в двух параллельных мирах: один она считала истинным, другой был внушен ей через посредство ее веры.

Проучившись почти целый семестр, она заявила вдруг, что хочет бросить университет.

– Но ты раньше даже не говорила об этом!

– Я и сама с собой не решалась обсуждать эту тему. Но, знаешь, сегодня я была у своей парикмахерши: она работала день и ночь ради того, чтобы ее дочь могла получить диплом социолога. А окончив университет, та никуда не могла устроиться по специальности, пока ее не взяли секретаршей в какую-то фирму, производящую цемент. И все равно парикмахерша твердит с гордостью: «У моей дочери – высшее образование!» Почти у всех друзей моих родителей и у детей друзей моих родителей есть дипломы. Но это вовсе не значит, что им удалось найти работу по душе – наоборот: они поступают в университеты и оканчивают их лишь потому, что кто-то, пребывая в плену прежних, давних представлений о том, как важно иметь высшее образование, сказал им: «Чтобы преуспеть в жизни, надо иметь высшее образование». Круг замкнулся, а мир лишился прекрасных садовников, пекарей, каменщиков, писателей, антикваров.

Я попросил ее не рубить сплеча, подумать еще немного. В ответ она прочла мне строки Роберта Фроста (Роберт Фрост (1874–1963), американский поэт, четырежды лауреат Пулитцеровской премии. Стихотворение «Другая дорога» приводится в переводе В. Топорова):

И если станет жить невмоготу,

Я вспомню давний выбор поневоле:

Развилка двух дорог – я выбрал ту,

Где путников обходишь за версту.

Все остальное не играет роли.

На следующий день она не пришла на занятия. При нашей следующей встрече я спросил, чем она намерена заниматься.

– Замуж выйду. Рожу ребеночка.

Я слегка растерялся. Мне было двадцать лет, Афине – девятнадцать, и я думал, что еще рано принимать подобные решения.

Однако Афина говорила совершенно серьезно. И я оказался перед выбором: потерять либо то единственное, что занимало все мои мысли и чувства, либо – свою свободу и все, что обещало мне будущее.

И, откровенно говоря, сделать этот выбор труда не составило.

Падре Джанкарло Фонтана, 72 года

Я, конечно, очень удивился, когда эти молодые – слишком молодые люди – пришли в церковь и заявили, что хотят обвенчаться. В тот же день я узнал, что семья Лукаса Йессена-Петерсена, происходящая из мелкопоместного дворянства, категорически возражает против этого союза. И не только против самого брака, но и против венчания.

Его отец, основываясь на неоспоримых исторических аргументах, считает, что Библия – на самом деле не одна книга, а свод 66 различных рукописей, ни личность, ни имя авторов которых совершенно неизвестны; что первая часть ее написана на тысячу лет раньше последней, то есть вдвое больше, чем прошло со дня открытия Америки; что ни одно живое существо на планете – от мартышки до канарейки – не нуждается в десяти заповедях, чтобы знать, как себя вести. Надо лишь следовать законам природы – и тогда мир пребудет в гармонии.

Разумеется, я читал Библию. Разумеется, я кое-что знаю о ее истории. Но люди, которые ее написали, были всего лишь орудиями Божьей Воли, а Иисус создал нечто еще более прочное, чем десять заповедей, – любовь. Мартышки, птицы и всякая прочая живая тварь повинуются лишь своим инстинктам и следуют заложенной в них программе. С людьми дело обстоит посложнее, ибо люди познали любовь вместе со всеми ее капканами и ловушками.

Ну вот, я опять читаю проповедь, хотя взялся рассказать вам о своей встрече с Афиной и Лукасом. Покуда я разговаривал с юношей (а мы с ним, кстати, принадлежим к разным вероисповеданиям и, следовательно, я не обязан хранить тайну исповеди), мне стало известно, что его домашние не только проявляют самый оголтелый антиклерикализм, но и отчаянно противятся его браку с иностранкой. Тут мне захотелось привести им то место из Священного Писания, где не излагаются никакие религиозные доктрины, а звучит всего лишь призыв к здравому смыслу:

«Не гнушайся Идумеянином, ибо он брат твой; не гнушайся Египтянином, ибо ты был пришельцем в земле его».

Простите, я снова цитирую Библию. Обещаю, что впредь буду следить за собой. После разговора с Лукасом я еще не менее двух часов провел с Шерин – или, как она предпочитает, чтобы ее называли, – с Афиной.

Эта девушка всегда меня интересовала. Как только она стала посещать церковь, мне показалось, что у нее буквально на лбу написано желание сделаться святой. Она мне рассказала то, о чем не знал ее возлюбленный: незадолго до начала гражданской войны в Ливане она, подобно святой Терезе из Лизье, тоже видела кровь на улицах. Конечно, это можно списать на трудности переходного возраста, но подобное состояние бывает с каждым из нас – весь вопрос в масштабах. Внезапно, на какую-то долю секунды, мы чувствуем, что наша жизнь оправдана, наши грехи – искуплены и прощены, любовь – сильнее всего и способна полностью преобразить нас.

Но именно в такие моменты нами овладевает страх. Безраздельно предаться любви – не важно, Божественной или земной – значит отречься от всего, включая наше собственное благополучие и нашу способность принимать решения. Это значит – любить в самом полном смысле слова. А мы, по правде говоря, не хотим спастись тем путем, который выбрал себе Господь ради искупления наших грехов. Нет, мы хотели бы держать под абсолютным контролем каждый шаг,

отдавать себе отчет в каждом принимаемом решении и иметь возможность самим избирать объект поклонения.

С любовью такое не проходит – она является, вселяется, устраивается по-хозяйски и начинает диктовать свою волю. Только по-настоящему сильные духом позволяют себе увлечься безоглядно. И к числу их принадлежала Афина.

Целые часы она проводила, глубоко погрузившись в созерцание. У нее были явные способности к музыке, говорили, что она прекрасно танцует, но поскольку церковь – неподходящее место для этого, она каждое утро, перед тем как идти в университет, приносила свою гитару и пела Пречистой Деве.

Помню, как впервые услышал ее. Я тогда уже отслужил утреннюю мессу для немногих прихожан, расположенных просыпаться зимой спозаранку, как вдруг вспомнил, что забыл забрать деньги из кружки для пожертвований. Вернулся – и услышал музыку, заставившую меня увидеть все в ином свете, будто по мановению руки ангела. В одном из приделов храма я увидел девушку лет двадцати: не сводя глаз с образа Богоматери Непорочно Зачавшей, она пела гимны, аккомпанируя себе на гитаре.

Она заметила меня и замолчала, но я кивнул, безмолвно прося ее продолжать. Потом сел на скамью, закрыл глаза и заслушался.

В этот миг ощущение небесного блаженства осенило меня. Словно догадавшись о том, что происходит в моей душе, она стала чередовать гимны с молчанием. В эти мгновения я шептал молитву. Затем музыка возобновлялась.

Я отчетливо сознавал, что переживаю нечто незабываемое – из разряда тех магических впечатлений, суть которых становится нам ясна лишь после того, как они уходят. Я сидел там, внезапно лишившись прошлого, позабыв о будущем, растворившись в этом утре, в этой музыке, в нежданной, неурочной молитве. Я чувствовал восторг, что был сродни экстазу, и неимоверную благодарность за то, что оказался в этом мире и, одолев сопротивление семьи, последовал в свое время зову души. В простом убранстве маленькой часовни, в девичьем голосе, в утреннем свете, заливавшем нас, я находил очередное доказательство тому, что величие Господа проявляется в обыденном.

Уже пролиты были потоки слез, и казалось, что прошла целая вечность, когда девушка замолкла. И лишь тогда я узнал в ней одну из прихожанок. С того дня мы стали друзьями и, как только представлялся случай, устраивали это поклонение Пречистой Деве молитвой и музыкой.

Но помню, что сильно удивился, услышав о ее намерении выйти замуж. Мы были уже достаточно близки, чтобы я мог осведомиться, как, по ее мнению, воспримет этот брак семья мужа.

– Плохо воспримет. Очень плохо.

Осторожно подбирая слова, я спросил, не побуждают ли ее к замужеству какие-нибудь обстоятельства.

– То есть, не беременна ли я? Нет. Я – девственна.

Тогда я спросил, сообщила ли она о своем намерении родителям, и услышал: «Да. И реакция была самая неожиданная, мать плакала, отец впал в ярость».

– Приходя сюда славить Приснодеву своей музыкой, я не думаю о том, что скажут другие. Я всего лишь делюсь с нею своими чувствами. И так было всегда: с тех пор как я себя помню – я чувствую себя сосудом, наполненным Божественной Энергией. Теперь она просит меня родить ребенка, чтобы я могла дать ему то, чего не получила от женщины, произведшей меня на свет, – защиту и безопасность.

– На этом свете никто не может чувствовать себя в безопасности, – отвечал я. – У тебя впереди еще долгая жизнь, и хватит времени для того, чтобы проявилось чудо творения.

Но Афина уже решилась:

– Святая Тереза не противилась настигшей ее болезни – наоборот: она увидела в ней знак Славы. Святая Тереза была намного моложе меня, когда решила уйти в монастырь. Ей было всего пятнадцать. Ей отказали в пострижении, но она не смирилась и решила добиться встречи с самим Папой. Можете себе представить, каких усилий это стоило?! Получить аудиенцию у Папы Римского! Тем не менее

она достигла своей цели. И та же Слава просит меня о чем-то гораздо более простом и благородном, нежели болезнь. О том, чтобы я стала матерью. Если ждать и откладывать, я не смогу стать своему ребенку другом и единомышленником, ибо слишком велика будет разница в возрасте.

– Ты не одна такая, – возразил я.

Но Афина продолжала, словно не слыша:

– Я испытываю счастье лишь в те минуты, когда думаю, что Господь существует и слышит меня. Этого недостаточно, чтобы продолжать жить, и все кажется мне бессмысленным. Я притворяюсь веселой и счастливой, я скрываю печаль, чтобы не огорчать тех, кто так любит меня и так волнуется из-за меня. Но недавно я всерьез подумывала о самоубийстве. По ночам, перед тем как заснуть, я подолгу разговариваю сама с собой, пытаюсь прогнать эту мысль, потому что уход из жизни будет вопиющей неблагодарностью по отношению ко всем: это – бегство. По утрам я прихожу сюда и говорю с Девой, прошу, чтобы избавила меня от демонов, с которыми борюсь ночью. Пока это помогало, но я чувствую, что начинаю слабеть. Я знаю: у меня есть предназначение. Прежде я отказывалась от него, а ныне обязана принять. Это предназначение – стать матерью. Либо я исполню его, либо сойду с ума. Если не смогу увидеть, как растет во мне новая жизнь, – не смогу и принять ту жизнь, что происходит вовне.

Лукас Йессен-Петерсен, бывший муж

Когда родился Виорель, мне исполнилось 22 года. Теперь я уже был не студент, только что женившийся на своей бывшей однокашнице, а взрослый человек, несущий на своих плечах тяжкое бремя ответственности за семью. Мои родители, даже не появившиеся на церемонии бракосочетания, предложили, если я разведусь, высылать определенную сумму на содержание и воспитание ребенка (переговоры об этом вел отец, а мать только рыдала в трубку, то твердя, что я сошел с ума, то повторяя, что ей так хочется взять на руки внука). Я надеялся, что, когда со временем они поймут мою любовь к Афине и мое решение делить с нею жизнь, это сопротивление ослабеет.

Ничего подобного. И теперь мне было необходимо кормить семью. Я бросил университет, хотя до защиты диплома оставалось недолго. И вскоре состоялся телефонный разговор с отцом, который грозил лишить меня наследства, но в том случае, если одумаюсь, обещал мне, как он выразился, «временную финансовую помощь». Юношеский романтизм требует от нас радикальных поступков, и я отказался, заявив, что справлюсь со своими проблемами сам.

До рождения сына Афина старалась помочь мне лучше понимать себя самого. И происходило это не благодаря сексу – очень робкому, надо признаться, – но через посредство музыки.

Музыка – сверстница рода человеческого, объясняли мне потом. Наши далекие предки передвигались с места на место налегке, но, как установила современная археология, кроме самого необходимого скарба обязательно брали с собой и музыкальный инструмент – чаще всего барабан. Музыка ведь не только умиротворяет, или развлекает, или услаждает наш слух – нет, это еще и идеология. Скажи мне, какую музыку ты слушаешь, и я скажу тебе, кто ты.

Наблюдая за тем, как танцевала Афина во время своей беременности, слушая, как она играет на гитаре, чтобы ребенок, которого она носит, был спокоен и знал, что его любят, я начал понимать, что ее мировоззрение сильно влияет и на мою жизнь. Когда новорожденного Виореля принесли домой, мы прежде всего дали ему послушать адажио Альбинони. Когда у нас случались ссоры, именно сила музыки – хоть я так никогда и не смог установить никакой логической связи между тем и другим – выводила нас из трудных положений.

Впрочем, вся эта романтика денег заработать не помогала. Я ни на чем играть не умел и не смог бы даже устроиться в какой-нибудь бар развлекать клиентов, а потому в конце концов нашел себе место расчетчика в одной строительной фирме. Оплата была сдельная – и более чем скромная, – а потому я уходил рано, а возвращался поздно. Сына почти не видел – он спал – и почти не мог разговаривать с Афиной или заниматься с ней любовью, потому что она была слишком утомлена. Я без конца задавал себе один и тот же вопрос: когда же мы сумеем поправить наши финансовые дела и обретем достоинство, которого заслуживаем? Хотя я соглашался с Афиной, когда она говорила, что в большинстве случаев диплом – вещь бесполезная, однако в инженерном деле, например (как в юриспруденции и медицине), самое главное – сумма технических познаний, без которых мы будем рисковать жизнью других людей. А мне пришлось прервать обучение делу, которое я сам для себя выбрал, и

отказаться от мечты, которая была очень важна для меня.

Начались ссоры. Афина жаловалась, что я уделяю мало внимания ребенку, что тот нуждается в отце, что, в конце концов, могла бы обойтись и без меня, чтоб не создавать мне столько проблем. Не раз уже я хлопал дверью и уходил из дому, крикнув напоследок, что она меня не понимает и что я не понимаю, как согласился на это «безумие» – обзавестись в двадцать лет семьей, не успев стать на ноги. Секс постепенно тоже сошел на нет – от усталости ли или от того, что мы постоянно раздражали друг друга.

Я пребывал в подавленном состоянии, считая, что женщина, которую я люблю, использует меня в своих целях. Афина замечала мою депрессию, но вместо того, чтобы помочь мне, сосредоточила всю свою энергию на сыне и на занятиях музыкой. Время от времени я разговаривал с родителями и неизменно слышал, что «она завела ребенка, чтобы удерживать тебя».

С другой стороны, очень усилилась ее религиозность. Она потребовала, чтобы новорожденного окрестили по всем правилам, и выбрала ему имя Виорель – румынского, кажется, происхождения. Я думаю, если не считать нескольких эмигрантов, это был единственный Виорель на всю Англию, но мне это имя нравилось, и я осознавал, что Афина устанавливает какую-то странную связь с прошлым, которое толком и прожить-то не успела, – с сиротским приютом в Сибиу.

Я пытался приспособиться ко всему, но чувствовал, что теряю Афину из-за ребенка. Ссоры происходили все чаще, Афина стала грозить, что уйдет из дому, потому что Виорель «нахватывается» отрицательной энергии из-за нездоровой обстановки. И однажды вечером, после очередной такой угрозы из дому ушел я, думая, впрочем, что немного остыну и вернусь.

Я бесцельно бродил по Лондону, проклиная свой выбор, и сына, и жену, которой, как мне казалось, нет до меня никакого дела. Вошел в первый попавшийся бар рядом со станцией метро, выпил четыре порции виски. Когда же в 11 вечера бар закрылся, в магазине, торгующем до поздней ночи, купил еще бутылку, уселся на площади и продолжал пить. Подошли какие-то юнцы, попросили «угостить», я отказал, и меня избили. Тут же появилась полиция, и нас всех отправили в участок.

Освободили меня лишь после того, как я внес залог. Я, разумеется, сказал, что у меня ни к кому нет претензий, что ссора возникла на пустом месте, – иначе мне в течение нескольких месяцев пришлось бы ходить в суд как жертве нападения. Стоит добавить, что я был пьян до такой степени, что, выходя, упал на стол одного из инспекторов. Тот сильно разозлился, но вместо того, чтобы арестовать меня, просто вытолкал вон.

На улице меня поджидал один из тех юнцов. Он поблагодарил меня за то, что я не настаивал на возбуждении дела. Я был весь перемазан грязью и кровью, и он предложил мне где-нибудь переодеться, а в таком виде домой не ходить. Мне бы пойти своей дорогой, а я попросил его об одолжении – выслушать меня, ибо я должен выговориться.

И целый час он молча слушал мои излияния. На самом деле я говорил не с ним, а с самим собой – с молодым человеком, перед которым открывалось блестящее будущее и вся жизнь была впереди, семья которого обладала нужными связями, способными открыть любые двери. А теперь он казался бродягой из Хемпстеда (один из кварталов Лондона. – Прим. ред.) – пьяный, грязный, безмерно утомленный, близкий к отчаянью и без гроша в кармане.

Досказывая свою историю, я уже отчетливо понимал, в каком положении очутился и что сделал со своей жизнью, поверив, будто любовь способна спасти все. Это не так: любовь порой толкает нас в пропасть, но это еще полбеды – хуже, что с собою мы увлекаем к гибели близких и любимых. В данном случае я готов был погубить не только себя, но и Афину с Виорелем.

В этот миг я повторил себе: «Я – мужчина, а не юнец, родившийся в золотой колыбельке, я – мужчина и должен достойно ответить на вызов судьбы». И двинулся домой. Афина уже спала, взяв к себе в постель Виореля. Я принял душ, выбросил грязную одежду в мусорный бак, вернулся и лег, удивительным образом протрезвев.

А наутро сказал жене, что хочу развестись с ней. «Почему?» – спросила она.

– Потому что люблю тебя. И нашего ребенка. А я только и делаю, что проклинаю вас обоих за то, что не дали исполниться моей мечте стать архитектором. Если бы мы немного подождали, все пошло бы иначе, но ты думала только о своих планах, позабыв включить в них меня.

Афина никак не отозвалась на это. Она словно бы ждала от меня такого или бессознательно подталкивала меня к подобному шагу.

Я ждал, что она попросит меня не уходить. Но она сохраняла безразличную и кроткую покорность судьбе, а озабочена была лишь тем, чтобы звук наших голосов не разбудил ребенка. Тут я окончательно убедился, что Афина никогда меня не любила: я был для нее способом исполнить ее безумное намерение – в восемнадцать лет родить ребенка.

Я предложил ей остаться в этой квартире, однако она ответила отказом: переедет к матери, поживет какое-то время у нее, найдет себе работу и снимет собственное жилье. Спросила, смогу ли я давать какие-то деньги для Виореля. Я тотчас пообещал.

Потом поднялся, в последний раз приник к ее губам долгим поцелуем, настойчиво повторил свое предложение остаться в этой квартире и услышал в ответ, что Афина уедет к матери, как только соберет свои вещи. Я переехал в дешевый отель и каждый вечер ждал, что она позвонит и попросит вернуться, чтобы начать новую жизнь… Я был готов продолжать и старую, ибо наш разрыв ясно дал мне понять, что на всем белом свете нет для меня никого дороже, чем моя жена и мой сын.

Через неделю она позвонила – но лишь для того, чтобы сказать, что перевезла вещи и возвращаться не собирается. Еще две недели спустя я узнал, что она сняла маленькую мансарду на Бассет-роуд, то есть каждый день с ребенком на руках взбирается и спускается по крутым ступеням. По истечении двух месяцев мы наконец подписали все бумаги.

Так я навсегда расстался со своей истинной семьей. А семья, в которой я родился, приняла меня с распростертыми объятиями.

После того как мы расстались, я, испытывая настоящие душевные муки, постоянно спрашивал себя: неужто и впрямь я сделал неверный, опрометчивый шаг, повторив ошибку, свойственную людям, в отрочестве читавшим слишком много романов про любовь и во что бы то ни стало желавшим повторить историю Ромео и Джульетты? Когда боль утихла – а такие раны исцеляет только время, – я осознал, что судьба послала мне ту единственную женщину, которую я способен был бы любить всю жизнь. Каждый миг, проведенный рядом с нею, –

бесценен, и, несмотря на то что случилось, я повторил бы каждый сделанный мною шаг.

А время не только залечило раны, но и продемонстрировало мне кое-что забавное: не обязательно любить всю жизнь одного и того же человека. Я снова женился, я счастлив с моей второй женой и не могу себе представить, как бы я жил без нее. Причем это не заставляет меня отречься от всего, чем я жил прежде, тем более что я предусмотрительно избегаю сравнивать прежнее свое бытие с нынешним. Любовь нельзя измерить, как длину дороги или высоту здания.

От моего брака с Афиной осталось и еще одно чрезвычайно значительное явление – наш сын, плод ее заветной мечты, которую она открыла мне еще до того, как мы поженились. У меня есть сын и от второго брака, но теперь – не в пример тому, как обстояло дело двенадцать лет назад, – я превосходно подготовлен ко всем взлетам и падениям отцовства.

Однажды, когда я заехал за Виорелем – он проводит у нас уик-энды, – я набрался духу и задал Афине мучивший меня вопрос: почему она так спокойно восприняла мое решение уйти от нее?

– Потому что привыкла всю жизнь сносить страдания молча, – сказала она.

И лишь после этого обняла меня и выплакала все слезы, которые ей хотелось пролить в этот день.

Падре Джанкарло Фонтана

Я видел, как она пришла к воскресной мессе – по обыкновению, с ребенком на руках. Я знал, что у нее – трудное время, но вплоть до этого дня думал, что обычные и неизбежные в браке неурядицы рано или поздно сгладятся сами собой, благо оба супруга просто излучают Добро.

Целый год она не приходила по утрам со своей гитарой славить Пречистую Деву – была занята маленьким Виорелем, которого я имел честь окрестить, хоть и не

мог припомнить ни одного святого с таким именем. Но воскресную мессу посещала исправно, а по окончании службы, когда остальные прихожане покидали церковь, мы всегда разговаривали. Она утверждала, что я – ее единственный друг, что мы вместе поклонялись Небесному, но теперь должна поделиться со мной вполне земными заботами.

Она очень любила Лукаса; он был выбран ею в спутники жизни; он стал отцом ее ребенка; он отказался от всего и нашел в себе мужество создать свою семью. Когда начались первые трения, она пыталась убедить его, что все это временно – просто сейчас она должна уделять много времени сыну, хоть и не собирается растить из него изнеженного барчука и очень скоро предоставит ему самому отвечать на вызов, бросаемый жизнью. Пройдет совсем немного времени – и она вновь станет такой, какой была при первых встречах, а может быть – и лучше прежней, ибо только теперь сознает свои обязанности и ответственность, которую налагает сделанный ею выбор. Ничего не помогало – Лукас по-прежнему чувствовал себя отвергнутым, Афина же пыталась разделить себя поровну между супругом и сыном – отчаянно, но безуспешно, ибо постоянно приходилось выбирать кого-то одного, и этим одним, разумеется, становился Виорель.

Сколь ни скудны были мои познания в психологии, я отвечал, что не впервые сталкиваюсь с подобными проблемами, что все мужчины в таких ситуациях чувствуют себя лишними и ненужными, но это – пройдет, как проходило у большинства моих прихожан. Как-то раз Афина обмолвилась, что, быть может, все же немного поторопилась – романтический образ юной матери мешал ей в полной мере осознать всю сложность реальных, а не надуманных проблем, неизбежно возникающих после рождения ребенка. Но теперь уже поздно – сделанного не воротишь.

Потом она спросила, не возьмусь ли я поговорить с Лукасом, который никогда не появлялся в церкви – то ли потому, что был неверующим, то ли – чтобы провести воскресное утро с сыном. Я изъявил готовность – пусть только придет по своей собственной воле. Но едва лишь Афина собралась попросить его об этом, как грянул настоящий кризис, и Лукас ушел из дому.

Я посоветовал ей набраться терпения, но Афина была ранена, можно сказать, в самое сердце. Ее ведь однажды уже бросили, так что всю ненависть, которую она испытывала по отношению к своей настоящей матери, она автоматически перенесла на мужа, хотя впоследствии, насколько я знаю, у них установились

вполне дружеские отношения. Но тогда не было для Афины греха более тяжкого, чем разрыв семейных уз.

Она продолжала посещать церковь по воскресеньям, но после мессы сразу же возвращалась домой: сына-то оставлять теперь было не с кем, приходилось брать его с собой, а он плакал, отвлекая молящихся. Однажды нам все же удалось поговорить, и она рассказала, что служит в банке, снимает квартиру, так что я могу не беспокоиться – «отец» (она избегала называть имя бывшего мужа) выполняет свои финансовые обязательства.

А потом наступило то роковое воскресенье.

О том, что произошло на неделе, мне рассказал один из прихожан. Несколько ночей кряду я молил ангелов небесных вразумить меня и просветить, объяснить, что делать – выполнять ли мне мой долг перед Церковью или перед людьми. Но ангелы ко мне не снизошли, и тогда я попросил совета у викария. Тот объяснил мне, что Церковь сумела выжить лишь благодаря жесткому соблюдению всех своих догматов, а если бы мы начали делать исключения, то погибли бы еще в Средние века. Точно зная все, что случится, я хотел было позвонить Афине, но она не оставила мне свой новый номер.

Руки мои дрожали, когда я поднял дарохранительницу, освящая хлеб. Я произносил слова апостолов, передаваемые на протяжении тысячелетий из поколения в поколение. Но тотчас мысли мои обратились к этой юной женщине с ребенком на руках – новом воплощении Пречистой Девы, чуде материнства и любви, – которая, как всегда, стала в очередь и постепенно продвигалась к алтарю, чтобы получить причастие.

Думаю, большая часть общины уже знала о том, что произошло. Все смотрели на меня, ожидая, как я поведу себя. Со всех сторон меня окружали праведники, грешники, фарисеи, члены синедриона, апостолы, ученики, люди добрые и злые.

Афина остановилась передо мной и сделала то же, что всегда делала на причастии, – закрыла глаза и открыла рот, чтобы получить плоть Христову.

Плоть Христова оставалась у меня в руках.

Афина открыла глаза в недоумении.

– Мы поговорим после, – шепнул я.

Но она не трогалась с места.

– Ты не одна здесь. Другие тоже ждут причастия. Поговорим потом.

– Что случилось? – во всеуслышание спросила она.

– Я сказал: после.

– Почему вы не даете мне причастие? За что унижаете меня перед всеми? Разве мало того, через что я уже прошла?

– Афина, догмат нашей церкви не допускает к причастию разведенных женщин. На этой неделе ты оформила развод. Поговорим потом.

Она не двигалась, и я жестом показал стоявшему позади, чтобы обошел ее. И, когда причастил последнего из прихожан, но еще не успел повернуться к алтарю, услышал этот голос.

Он не мог принадлежать девушке, которая пела под гитару, вознося хвалу Божьей Матери, а потом делилась со мной своими мечтами, и рассказывала мне о жизни святых, и чуть не плакала, жалуясь на свои семейные неурядицы. Так звучал бы голос раненого зверя, обрети он дар речи, – зверя униженного и переполненного ненавистью.

– Будь проклято это место! Будь прокляты те, кто не слушает слов Христовых и превращает его учение в каменную постройку! Ибо Христос сказал: «Придите ко мне, страждущие и обремененные, и Я успокою вас…» Я истерзана, я стражду, а вы не пускаете меня к Нему! Сегодня я поняла, как ваша церковь извратила Его слова и твердит отныне: «Придите ко мне, следующие нашим правилам, а все прочие пусть пропадают!» Клянусь, что ноги моей больше не будет здесь! Меня еще раз бросили, и на этот раз причина – не в денежных трудностях, не в слишком раннем браке! Будь прокляты все, кто закрывает дверь перед матерью с ребенком! Вы хуже тех, кто не приютил у себя Святое Семейство! Тех, кто отверг Христа, когда он так нуждался в друге!

Она повернулась и вышла, рыдая. Я завершил службу, дал последнее благословение и направился прямо в ризницу – в это воскресенье не будет ни праздных разговоров, ни того, что у нас называется «братанием». Я стоял перед философской дилеммой: надо ли было предпочесть законы и установления Церкви тем словам, на которых она зиждется?

Я уже стар, Господь в любую минуту может призвать меня к себе. Я храню верность моей религии и убежден, что католицизм, невзирая на все свои ошибки, искренне пытается исправиться. На это уйдут годы, а может быть, и десятилетия, но в один прекрасный день значение будет иметь только одно – любовь, звучащая в словах Христа: «Придите ко мне, страждущие и обремененные, и Я успокою вас…» Я посвятил всю жизнь священнослужению и ни на миг не раскаиваюсь в своем решении. Но в такие минуты, как те, что случились в это воскресенье, я, хоть и не сомневаюсь в вере, начинаю сомневаться в людях.

Теперь, когда мне известно, как сложилась жизнь Афины, я спрашиваю себя: неужели все это началось именно тогда, на мессе, или давно уже копилось в ее душе? Я думаю о многих Афинах и Лукасах, которые развелись и утратили право на причастие, – им остается лишь созерцать распятого, страдающего Христа и вслушиваться в его слова, а они далеко не всегда согласуются с законами Ватикана. Иногда эти люди отдаляются от церкви, но чаще продолжают приходить на мессу – просто оттого, что привыкли к этому, хотя чудо претворения вина и хлеба в кровь и плоть Христову для них – под запретом.

Еще я думаю, что Афина, выйдя из церкви, быть может, повстречала Иисуса. И с плачем бросилась в его объятия, в смятении прося объяснить, почему ее из-за какой-то бумажки с гербовыми марками, не имеющей никакого значения в плане духовном, не допускают в круг избранных.

Иисус же, глядя на Афину, быть может, ответил ей так:

– Видишь, дочь моя, я ведь тоже стою по эту сторону церковных врат. Меня уже так давно не пускают внутрь.

Павел Подбельский, 57 лет, хозяин квартиры

У нас с Афиной было нечто общее – и она и я бежали из родных мест, спасаясь от ужасов войны, и попали в Англию еще в детстве, просто я оказался здесь на полвека раньше. Оба мы знали, что, невзирая на все перемены, традиции остаются и на чужбине, язык и религия выживают, члены общин жмутся друг к другу, ища защиты от окружения, навсегда чужого для них.

Да, традиции наших культур остаются живы, а вот желание вернуться на родину постепенно исчезает. Оно сменяется надеждой, которой мы любим себя обманывать, но которая никогда не осуществится: я больше не увижу Ченстохов, Афина и ее семья больше не будут жить в Бейруте.

И, конечно, если бы не это родство душ и чувство общности, я предпочел бы сдать третий этаж своего дома на Бассет-роуд жильцам без детей. Однажды такая ошибка уже была совершена, и в результате я жаловался на шум днем, а мои квартиранты – на шум ночью. И тот, и другой коренились в священных элементах бытия – в плаче и в музыке, – но поскольку мы с моими жильцами принадлежали к разным мирам, то терпимого отношения между нами не возникло.

Афину я честно предупредил, но она ответила, что я могу не беспокоиться: ее сын целый день проводит у бабушки с дедушкой. А моя квартира имела то преимущество, что помещалась совсем неподалеку от банка, где она работала.

И вот, несмотря на мои предупреждения, вытерпела она только первую неделю, а потом не выдержала. На восьмой день после вселения с ребенком на руках позвонила мне в дверь.

– Простите, он никак не может заснуть. Не могли бы вы сделать музыку потише?..

Все воззрились на нее.

– Что это такое?

Мальчик у нее на руках мгновенно перестал плакать, словно, как и мать, удивился при виде танцующих людей.

Я нажал кнопку «пауза», обеими руками поманил их к себе и, когда Афина переступила порог, снова пустил запись на полную громкость, чтобы не прерывать ритуал. Она уселась в углу, укачивая ребенка, и вскоре он уснул, несмотря на грохот ударных. Высидела всю церемонию, ушла вместе с другими гостями и, как я предвидел, утром, отправляясь на работу, вновь позвонила в мою дверь.

– То, что я увидела вчера, в объяснениях не нуждается. Я знаю, что значит, когда люди танцуют с закрытыми глазами. И сама часто так делала. Это были единственные в моей жизни минуты мира и душевного спокойствия. Раньше, до рождения Виореля, мы с мужем и нашими друзьями часто бывали в клубах и на дискотеках. И я видела, как люди танцуют с закрытыми глазами: одни – чтобы произвести впечатление «на публику», а другие – так, словно ими управляет какая-то необоримая сила. А я с тех пор, как помню себя, находила в танце способ войти в контакт с чем-то неизмеримо более сильным, чем я. Мне только хотелось бы знать, что это за музыка.

– А что вы делаете в воскресенье?

– Да ничего особенного. Буду гулять с Виорелем в Риджент-парке, дышать воздухом. У меня будет еще много времени для собственных дел – а пока мой распорядок дня подчинен сыну.

– Я пойду с вами, если не возражаете.

За два дня до нашей прогулки Афина снова пришла на ритуал. Мальчик через несколько минут заснул, а мать молча смотрела на то, что происходило вокруг. Она была совершенно неподвижна, но я видел, что душа ее – там, среди танцующих.

* * *

В воскресенье, когда мы гуляли в парке, я попросил ее повнимательней всматриваться и вслушиваться в окружающий ее мир – в трепещущие на ветру листья, в воду озера, в птичий щебет и собачий лай, в крики детей, носившихся из стороны в сторону и повиновавшихся будто своей, особой логике, недоступной пониманию взрослых.

– Все движется. И не просто так, а – в своем ритме. И все, что движется в своем ритме, порождает звук. Так происходит и здесь, и в любой другой точке нашей планеты. Наши далекие предки, когда прятались от стужи в своих пещерах, тоже замечали это: все на свете движется и производит шум. Они, вероятно, воспринимали это со страхом, а потом стали понимать, что так входит с ними в контакт Высшее Существо. И они принялись подражать этим звукам, раздававшимся вокруг, надеясь, что возникнет связь с этим Существом. Так появились музыка и танец. Несколько дней назад вы сказали, будто во время танца можете контактировать с чем-то неизмеримо более могущественным, чем вы сами.

– В танце я обретаю свободу. Верней сказать, я становлюсь свободным духом, который может странствовать по всей Вселенной, наблюдать настоящее, угадывать грядущее, превращаться в сгусток чистой энергии. И я получаю от этого огромное наслаждение и ни с чем не сравнимую, никогда прежде не испытанную радость. Был в моей жизни период, когда я была преисполнена решимости превратиться в святую: я возносила хвалу Господу музыкой и движениями своего тела. Но сейчас этот путь наглухо для меня закрыт.

– Какой путь?

Она поудобнее устраивала сына в коляске. Я видел – она не хочет отвечать. И настаивал на своем, ибо знал: когда уста затворены, должно быть произнесено нечто очень важное.

Совершенно невозмутимо и так, словно молчание неизменно должно было сначала согреть требования, предъявляемые ей жизнью, Афина рассказала мне о том, как священник – быть может, ее единственный друг – отказал ей в причастии. И о том, как в этот миг с ее уст сорвалось проклятие. Она порвала с католической церковью.

– Святой – это тот, кто умеет возвеличить свою жизнь, – объяснил я. – Достаточно понять, что все мы находимся здесь по некоей причине, и тогда достаточно будет вести себя в соответствии с нею. Тогда можно смеяться над большими или малыми страданиями и двигаться вперед без страха, осознавая, что каждый шаг исполнен смысла. Мы можем довериться свету, который источает Вершина.

– Что такое «Вершина»? В геометрии так называют высшую точку треугольника.

– Не только в геометрии. Это – верхушка, пик, кульминация. Это – рубеж для всех тех, кто, заблуждаясь, как свойственно каждому человеку, не теряют из виду свет, исходящий из сердца. Этим искусством мы и пытаемся овладеть, собираясь на наши ритуалы. Вершина скрыта внутри нас, и достичь ее мы сможем, если признаем ее и если сумеем различить ее свет.

Я объяснил, что танец, который она видела у меня в квартире накануне (в то время нас было десятеро в возрасте от 19 до 65 лет), назван мною «поиск Вершины». Афина спросила о происхождении этого названия.

И я рассказал, что вскоре после окончания Второй мировой войны кое-кому из моей родни удалось ускользнуть от коммунистического режима, устанавливающегося в Польше, и перебраться в Англию. По слухам, в этой стране особенно ценились произведения искусства и старинные книги – их-то и надо было везти с собой.

Картины и статуэтки сразу же были проданы, а книги пылились в дальнем углу. Потом я учился по ним читать, ибо моя мать не хотела, чтобы я забыл родной язык. В один прекрасный день между страницами книги Томаса Мальтуса я обнаружил два листка бумаги, исписанных рукой моего деда, погибшего в концлагере. Стал читать, думая, что это – распоряжения насчет имущества или послание какой-нибудь тайной возлюбленной (в семье жила легенда о том, что в России дед в кого-то влюбился).

На самом деле это был отчет о его жизни в Сибири после революции. Там, в маленьком городке Дедов (найти этот городок на карте не удалось – либо его название было намеренно изменено, либо он исчез в ходе сталинских депортаций. – Прим. ред.) он влюбился в одну актрису. По словам деда, она входила в некую секту, члены которой считали определенный вид танца средством спасения от всех бед, ибо он позволял вступать в контакт со «светом Вершины».

Опасаясь, что традиция может пресечься, поскольку жителей городка должны были переселить в другое место (Дедов граничил со строящимся полигоном для испытаний ядерного оружия), актриса и ее друзья попросили деда записать все, что он узнал. Он так и сделал, но, вероятно, не придал этому особого значения,

ибо спрятал листки в книгу, где я их и обнаружил много лет спустя.

На этом месте Афина перебила меня:

– Но танец нельзя описать словами! Его можно только исполнить.

– Совершенно верно. Да и в записях было сказано лишь, что надо танцевать до изнеможения, уподобляясь альпинистам, совершающим восхождение на вершину. Танцевать до тех пор, пока не начнешь задыхаться, и тогда организм будет получать и потреблять количество кислорода, к которому не привык. Это приведет к потере ощущений пространства и времени и к утрате собственной личности. Танцевать под ритмичный звук барабана, повторяя это ежедневно, и осознать, что в определенный момент глаза начинают закрываться сами собой и мы различаем исходящий из нас свет, который отвечает на наши вопросы и высвобождает скрытое в нас могущество…

– И ваши тоже?

Вместо ответа я предложил ей присоединиться к нашей группе, тем более что Виорель прекрасно засыпал при любом шуме. И на следующий день, в условленный час Афина пришла ко мне. Я представил ее остальным как соседку; никто ни о чем не спрашивал ее и не рассказывал о себе. Когда пришло время, я включил музыку, и мы начали танцевать.

Сначала Афина присоединилась к нам, продолжая держать сына на руках, но вскоре он уснул, и тогда она положила его на диван. Прежде чем закрыть глаза и впасть в транс, я увидел, что она постигла путь к Вершине.

И с тех пор она ежедневно, кроме воскресений, появлялась у меня. Я ставил музыку, которую один мой друг вывез из русских степей, и мы принимались танцевать в буквальном смысле – до упаду. Через месяц она попросила у меня запись.

– Я хочу делать это по утрам, перед тем, как отвести сына к моей матери и отправиться на работу.

– Мне кажется, – возразил я, – что люди, связанные между собой одной энергией, создают некую особую ауру и помогают всем и каждому впасть в транс. А кроме того, если заниматься этим перед работой, то надо быть готовой к увольнению, потому что весь день вы будете утомлены до предела.

Подумав немного, она отвечала так:

– Вы правы в том, что касается коллективной энергии. Я вижу, что в вашей группе – пять супружеских пар, включая вас с женой, и все они обрели любовь. И потому могут разделить эту позитивную энергию со мной. Но я-то – одна. Вернее, я – с сыном, но он пока еще не в силах выразить свою любовь в доступной нашему пониманию форме. И я предпочитаю принять свое одиночество: если попытаюсь бежать от него, то никогда больше не встречу достойного партнера. Если же не противиться ему, то, быть может, что-нибудь переменится. Я уже могла убедиться, что, когда стараешься бороться с одиночеством, оно становится только крепче, зато слабеет, когда мы попросту не замечаем его.

– Вы пришли к нам в поисках любви?

– Что ж, это достойная причина, но я отвечаю: «Нет». Не за любовью. Я ищу смысла моей жизни, который пока сводится к заботам о сыне. И я опасаюсь, что это способно будет погубить его – либо чрезмерной и мелочной опекой, либо тем, что я буду проецировать на него собственные несбывшиеся ожидания, нереализованные мечты. Как-то на днях, во время танца, я почувствовала, что выздоровела. Если бы дело касалось физического самочувствия, это можно было бы назвать чудом. Но это было из сферы духовного – как если бы что-то, тревожившее меня, вдруг исчезло.

Я знал, о чем она говорит.

– Меня ведь никто не учил танцевать под эту музыку, – продолжала она. – Но у меня такое чувство, вернее – предчувствие, будто я знаю, что делаю.

– Ничему и не надо учиться. Вспомните нашу первую прогулку в парке – природа сама творит ритм, соответствующий каждому мгновению.

– И любить меня тоже никто не учил. Но я любила Господа, любила своего мужа, сейчас люблю сына и родителей. И все равно – чего-то недостает. И хотя я устаю после танца, но, остановившись, чувствую, как на меня снисходит благодать – я впадаю в глубокий экстаз. Я хотела, чтобы это состояние продолжалось весь день. И чтобы оно помогло мне обрести недостающее – любовь мужчины. В танце я могу видеть его сердце, хоть и не в силах различить его лицо. Я ощущаю его близость и потому должна быть внимательна: я хочу танцевать утром, чтобы в течение всего дня не пропустить ничего из происходящего вокруг.

– А вы знаете, что означает слово «экстаз»? Это слово греческое и буквально переводится так: «выйти из самого себя». Целый день провести в таком состоянии – это чересчур и для тела, и для души.

– Я все же попытаюсь.

Убедившись, что мне ее не переубедить, я сделал копию записи. И с тех пор, ежедневно просыпаясь от доносившихся сверху грохота музыки и звука ее шагов, я спрашивал себя, как ей удается работать в банке после того, как она целый час провела в трансе? Как-то раз, повстречав ее в подъезде, я предложил выпить кофе. Афина сообщила мне, что размножила запись, и теперь многие ее сослуживцы тоже ищут Вершину.

– Может быть, я зря это сделала? Это – тайна?

Да нет, разумеется. Скорее наоборот – она помогала мне сохранять почти пресекшуюся традицию. В заметках моего деда я нашел упоминание о какой-то женщине: та рассказывала об одном монахе, который уверял, что в нас присутствуют все наши предки и бесчисленные поколения потомков. Освобождаясь, мы тем самым освобождаем и человечество.

– И, значит, все жители того сибирского городка должны быть рады. И просто – должны быть. Их труд благодаря вашему деду возрождается в этом мире. Но вот что меня занимает: почему вы решили начать танцевать, прочитав эти странички? А если бы в них речь шла о спорте, то решили бы стать футболистом?

Меня никогда еще не спрашивали об этом.

– Дело в том, что я в ту пору был болен. Какая-то редкая разновидность артрита. Врачи сказали, что годам к тридцати пяти я буду прикован к инвалидному креслу. Времени впереди оставалось мало, вот я и решил тогда посвятить себя тому, что впредь будет для меня недоступно. А дед на этом клочке бумаги записал, что обитатели Дедова верили в целебные свойства транса.

– И, судя по всему, оказались правы.

Я ничего ей не ответил, хотя не разделял ее убежденности. Быть может, ошиблись врачи, вынося мне свой приговор. Быть может, сознание того, что юный эмигрант не может позволить себе роскошь болеть, оказало столь могучее воздействие на мое бессознательное, что вызвало естественную реакцию организма. А быть может, все-таки случилось чудо, опровергающее мою присущую доброму католику убежденность в том, что танцы не исцеляют.

Я вспоминаю, как в отрочестве, не найдя музыки, которая отвечала бы душевному настроению, я натягивал на голову черный капюшон и, представляя, что мира вокруг меня не существует, переносился мысленно в Дедов, ко всем этим людям, к моему деду и его возлюбленной-актрисе. В обступавшем меня безмолвии я просил их научить меня танцу, вывести за положенные мне границы, ибо в самом скором времени мне будет грозить паралич. Чем больше двигалось мое тело, тем отчетливей видел я свет, исходящий из моего сердца, и тем большему я учился – то ли у самого себя, то ли у теней прошлого. Я даже овладел способностью слышать музыку, звучавшую на их ритуалах, и когда много лет спустя кто-то из моих приятелей побывал в Сибири, я попросил его привезти несколько дисков и, к неописуемому своему изумлению, услышал на одном из них музыку, много лет назад воображенную мной.

Но Афине я решил об этом не рассказывать – она показалась мне человеком очень впечатлительным, внушаемым и неуравновешенным.

Незадолго до ее поездки на Ближний Восток у нас с нею состоялся еще один разговор: тогда она была счастлива и умиротворена, и как будто обрела желаемое – любовь.

– Мои коллеги создали группу и называют себя «Паломники Вершины». Все это благодаря вашему деду.

– Благодаря вам – вы испытали потребность разделить это знание с другими. Я слышал, что вы собираетесь уезжать, и хочу поблагодарить вас за то, что сумели придать новый масштаб тому, что я делал на протяжении многих лет, пытаясь рассеять этот свет среди немногих заинтересовавшихся им людей. Но делал я это робко, ибо опасался, что люди сочтут всю эту историю полной чушью.

– А знаете, что я обнаружила? Экстаз – это способ выйти из себя, но танец – это возможность подняться в Космос. Открыть новые измерения, при этом не нарушая контакта с собственным телом. Благодаря танцу мир духовный и мир реальный способны сосуществовать. Мне кажется, что балерины стоят на пуантах потому, что одновременно прикасаются к земле и достигают небес.

Насколько я помню, это были последние слова Афины. Во время танца, которому мы предавались с ликованием, мозг теряет свою контролирующую силу и бразды правления над телом у него перехватывает сердце. Лишь в такие мгновения появляется Вершина.

Если веришь в нее, разумеется.

Питер Шерни, 47 лет, генеральный директор филиала банка (название удалено) в Холланд-парке, Лондон

Я принял Афину на работу исключительно потому, что ее отец был одним из самых уважаемых клиентов нашего банка, – в конце концов, не зря же говорится, что рука руку моет. Она показалась мне человеком горячим и вспыльчивым, и я поставил ее на чисто канцелярскую должность, требующую совсем иных черт характера, ибо втайне надеялся – Афина вскоре уволится, а я с чистой совестью смогу сказать ее отцу, что вот, мол, пытался ей помочь да не вышло.

Мой опыт руководителя научил меня распознавать душевное состояние подчиненных, даже если те не произносят ни слова. Из курса лекций по менеджменту я усвоил: хочешь избавиться от подчиненного – любым способом сделай так, чтобы он сорвался и нагрубил тебе, и тогда получишь законный предлог для увольнения.

Я сделал все возможное, чтобы Афину можно было уволить, что называется, за дело. Поскольку с голоду она не умерла бы и без этих денег, то с течением времени поняла бы, что совершенно не обязательно вставать рано, завозить ребенка к бабушке, целый день заниматься монотонной работой, возвращаться домой, по пути забирая сына, идти в супермаркет, кормить сына и укладывать его спать, а наутро все начинать сначала, тратя по три часа на дорогу общественным транспортом. Без всего этого можно преспокойно обойтись, а своему времени найти гораздо лучшее применение. Она становилась все более раздражительной, и я гордился: избранная мною стратегия должна была привести к успеху. Афина жаловалась, что не высыпается – хозяин ее квартиры по ночам заводит громкую музыку.

И вдруг что-то изменилось. Сначала – в самой Афине. Потом – во всем агентстве.

Как я заметил эти перемены? Ну, видите ли, всякий коллектив напоминает оркестр: хороший руководитель подобен дирижеру, который слышит, какой инструмент не настроен или фальшивит, какой выбивается из слаженного ансамбля, а какой – покорно вторит остальным. Афина вела свою партию без малейшего воодушевления, как-то отстраненно и никогда не делилась с коллегами печалями и радостями, давая понять, что ее жизнь за порогом конторы сводится к воспитанию сына. Но с некоторых пор она сделалась общительней и приветливей и рассказывала всем, кто хотел слушать, что нашла способ омоложения.

Слово, конечно, волшебное – «омоложение». Если учесть, что произносит его женщина, которой едва минул 21 год, звучит диковато, но люди верят и просят раскрыть секрет.

Круг служебных обязанностей Афины не изменился, но работать она стала лучше. Коллеги, прежде ограничивавшиеся только «здравствуй» и «до свиданья», стали предлагать ей вместе пообедать, а возвращались с перерыва в неизменно хорошем настроении. Продуктивность отдела сделала прямо-таки огромный скачок.

Я знаю, что страсть – заразительна, и потому сразу заподозрил, что в жизни Афины произошла какая-то очень важная встреча. Спросил ее, так ли это, и она подтвердила мою догадку, добавив, что никогда раньше не принимала приглашения клиентов, но в этом случае отказаться было невозможно. В обычной ситуации ее немедленно уволили бы, ибо по нашим правилам личные

отношения категорически запрещены. Но тут дело обстояло иначе: к этому времени я заметил, что она «заразила» едва ли не всех сослуживцев – многие встречались с нею после работы, а по крайней мере двое или трое бывали у нее дома.

Вырисовывалась довольно опасная ситуация – юная стажерка, не имевшая ни малейшего опыта работы, существо то застенчивое, то вспыльчивое, превратилась в неформального лидера моих сотрудников. Уволить ее – скажут, что я приревновал, и я потеряю свой авторитет. Оставить? Через несколько месяцев я вполне могу лишиться рычагов управления.

Я решил выждать, ничего не предпринимая. Тем временем «энергетика» (терпеть не могу это слово, которое ничего конкретного не означает, если речь не идет об электричестве) агентства заметно усилилась. Исчезли жалобы и нарекания; благодаря рекомендациям старых клиентов стали появляться новые. Служащие пребывали в прекрасном настроении, и, хотя работы прибавилось едва ли не вдвое, нанимать новых сотрудников не пришлось – все справлялись со своими обязанностями.

Однажды я получил письмо от своих начальников. Мне предстояло отправиться в Барселону и там провести нечто вроде семинара, объясняя свои новые методы работы. По словам боссов, я сумел увеличить прибыль, а расходы – снизить, а именно и только это, говорилось в письме, интересует бизнесменов во всем мире.

Что еще за новые методы?

Хорошо хоть я отлично помнил, с чего все началось, и потому вызвал к себе в кабинет Афину. Начал с того, что похвалил ее за хорошую работу, и она благодарно улыбнулась в ответ.

– Ну а как поживает ваш друг? Я всегда был уверен, что тот, кто получает любовь, тот и дает любовь. Чем он занимается? – осторожно продолжал я.

– Работает в Скотланд-Ярде (отдел расследования, присоединенный к городской полиции Лондона. – Прим. ред.).

В подробности я предпочел не вдаваться. Однако разговор следовало как-то продолжить, а времени у меня было в обрез.

– Я заметил, что вы сильно изменились и…

– Сильно изменилось все агентство?

Как отвечать на такое? С одной стороны, я наделяю ее слишком большим могуществом, а с другой – если не подтвердить ее правоту, я не получу ответа на свои вопросы.

– Да, перемены очевидны. И я подумываю о том, чтобы повысить вас в должности.

– Мне нужно ездить по свету. А сейчас я хочу ненадолго покинуть Лондон… раздвинуть горизонты.

Ездить? Она хочет уехать сейчас, когда все стало налаживаться? А впрочем, не это ли – желанный выход, который я планировал?

– Я смогу помогать банку, если у меня будет более ответственная работа, – продолжала она.

Я понял: Афина предоставляет мне блистательный шанс. Как это я сам не подумал об этом раньше? Устроить так, чтобы она «ездила», – значит удалить ее отсюда, вернуть себе главенствующее положение, причем застраховав себя от неприятностей, связанных с ее увольнением. Однако надо было как следует поразмыслить над этим, потому что, прежде чем помочь банку, она должна помочь мне. Мои боссы заметили, что мы стали работать лучше, и теперь нужно удержаться на этом уровне, иначе я рискую потерять престиж и ухудшить свое положение. Я понимаю, почему многие мои коллеги не стремятся лезть из кожи вон, чтобы повысить продуктивность. Если им это не удастся, их сочтут людьми некомпетентными, и все на этом. А если удастся, им придется постоянно повышать показатели, и эта гонка кончится инфарктом.

И следующий шаг я сделал очень осторожно: не стоит пугать человека, прежде чем не вызнаешь у него нужный тебе секрет. Лучше притвориться, что

соглашаешься на его просьбу.

– Я постараюсь доложить о вашем желании по начальству. Мне предстоит встреча в Барселоне, и я вызвал вас, кстати, по этому поводу. Можно ли считать, что мы стали работать продуктивней с тех пор, как у наших сотрудников улучшились отношения с вами?

– Скорее – с самими собой. Так будет точнее.

– Ну да. Но причина этого улучшения – вы, не так ли?

– Вы сами знаете, что так.

– Может быть, вы проштудировали какое-нибудь неизвестное мне руководство по менеджменту?

– Я таких книг не читаю. И мне хотелось бы, чтобы вы пообещали внимательно отнестись к моей просьбе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/paulo-koelo/vedma-s-portobello-kupit

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити